

ВЕЛИКОРЕЦКИЙ КРЕСТНЫЙ ХОД

И.И. ВЛАСЕНКО*

Небо, коснувшееся меня...

Иван Шмелев

В статье рассказывается об одном из важных событий духовной жизни православной России, а именно – о самом древнем (более 600 лет) и протяженном (около 160 км), ежегодно совершаемом Великорецком крестном ходе. Многотысячная колонна верующих 6 дней и ночей идет с чудотворной иконой Святителя Николая от места хранения (г. Киров) к месту ее чудесного обретения на реке Великой в 1383 году. Там совершается Божественная литургия, затем икона возвращается в храм. Автор повествует об опыте собственных переживаний, связанных с этим жизненным событием, и делает попытку осмысления этого опыта.

Начало пути

Можно только удивляться (или так: в этом нет, к сожалению, ничего удивительного), что, живя в России, я до недавнего времени ничего не знала про Великорецкий крестный ход. Справедливости ради надо сказать, что и не пыталась узнать. Брошенное (когда? кем? и зачем?) семя еще дремало в ожидании живительной влаги. В каждом из нас живет дитя, которое религиозно. Оно своим тонким слухом может распознать зов Духа Божьего и подать нам сигнал, который может быть совсем неясен, который так легко «не расслышать». Но, услышав, можно довериться ему... пока не поздно.

В июне 2003 года, читая молодежную газету, я заинтересовалась статьей о крестном ходе в Кировской области. Там же были помещены несколько репортажных фотографий: вереница сосредоточенно идущих людей, разрушенный храм, икона Святителя Николая. Я почувствовала такое сильное волнение, как будто эти фотографии были сделаны мной,

* *Власенко Ирина Ивановна* – консультант и ведущая семейного клуба «Теплый дом» в Центре диагностики и консультирования г. Ростова-на-Дону.

но потом безнадежно потерялись – вот теперь я их нашла. Мне был брошен *вызов*. Не дожидаясь продолжения статьи в следующем номере, я раскрыла атлас России...

Так «в ансамбле возможностей» (по М.Боссу) высветилась *одна* сильная и значимая. Теперь уже мне предстояло сделать выбор: превратить эту возможность в реальность или не делать этого. Однако предстоящая реальность была настолько ясной и встроенной в ряд моих *ценностей*, что игнорировать ее уже было невозможно. Она заявляла о себе все сильнее и, наконец, стала центральной. Начался год сосредоточенной внутренней (душевной и духовной) и внешней (снаряжение, изучение маршрута, планирование времени, деньги) подготовки.

Выбор был сделан. Я решила *в уединении и молчании* приготовить себя к этому пути. Желание совершить шаг в сторону реальности уменьшалось при осознании ответственности за этот выбор, связанный с риском и переживанием вины перед близкими людьми, которых я не посвящала в свои планы.

Как сказать им о своем решении? Моя тревога по поводу их будущей тревоги за меня мешала моей искренности. Я боялась слов, опасалась их суетливости, предшествующей делу. Не пришел еще черед говорить, но молчать тоже надо уметь. «Человеку нужно два года, – говорит Хемингуэй, – чтобы научиться говорить, и пятьдесят, чтобы научиться молчать». Пора. Время на *исходе*. Обращаюсь к святоотеческой мысли. Феофан Затворник: «К тому, чтоб навыкнуть молчанию, укажу тебе самое прямое и простое средство: берись за дело сие – и само дело будет и научать тебя, как его делать, и помогать в этом».

Мои взрослые дети, привыкшие к тому, что я с легкостью могу уехать куда-либо на семинар или тренинг, удивились лишь моей экипировке. Сын, с усилием приподнимая новенький утрамбованный до отказа рюкзак, лишь спросил: «Надеюсь, тебе не придется это нести самой?» Что касается моего более широкого окружения, то из-за боязни расспросов-советов-рекомендаций-увещеваний (подробнее – первые страницы очерков И.Гончарова «Фрегат «Паллада») я вообще предпочла ничего не говорить. Кроме того, мое желание никого не посвящать в свои планы было связано с отсутствием рационального объяснения своего поступка, существующее же казалось мне чересчур *пафосным* (от гр. *rathos* – страдание, возбуждение, воодушевление), чтобы его можно было озвучить: «*Я хочу быть там, где тысячи людей веками проходят одной дорогой, находя в этом смысл, средство исцеления и защиты, средство прославления и утверждения православной веры. Это все мне жизненно необходимо*». Мое первоначальное желание – как можно больше *узнать* о предстоящем – сменилось

на другое: перестать контролировать *ход* событий и позволить им происходить своим чередом. Я услышала в этом *призыв* прийти на молитвенный путь покаяния и очищения, не заботясь об остальном, и мне осталось только благодарить случай за указание *времени и места*.

Время и место. Великорецкий крестный ход

Начало Великорецкого крестного хода и прославление образа Свяителя Николая восходит к временам татаро-монгольского ига, когда выходцы из Великого Новгорода, недовольные княжескими притеснениями и неисполненные решимости переносить разнообразныe тяготы ради своей свободы, впервые поселились в этих местах. Со временем здесь вырос город Хлынов (Вятка, Киров).

Однажды, 24 мая 1383 года, крестьянину по фамилии Агалаков явилась в лесной чаще чудотворная икона Свяителя Николая. Здесь, на берегу реки Великой, была возведена в честь нее часовня, но ради безопасности святыни и возможности обращаться к ней большому числу православных икону было решено перенести в Хлынов. Предания повествуют, что икону (величиной с ладошку) не могли сдвинуть с места. И лишь после долгого поста, молитв и обещания вятичей ежегодно возвращать образ к месту его обретения чудотворная икона с легкостью была поднята и торжественно перенесена в г. Хлынов.

В самые тяжелые для Отечества годы образ Николая Чудотворца привозили в Москву. Было это при правлении Ивана Грозного и в начале правления дома Романовых. В столице с образа делались «списки», а сама икона была украшена дорогим окладом. Свято хранили вятичи завет, оставленный предками. До революции от каждого двора Вятской губернии хоть один православный должен был ежегодно совершать этот крестный ход, чтобы поклониться святыне, испросить милости в особом молебном пении.

Так продолжается эта традиция шесть веков. Лишь однажды «по недоразумению» был пропущен крестный ход. В этот год среди лета неожиданно выпал снег, ударил мороз. Тогда кинулись православные искупать свой грех, и уж больше не нарушали завещанного. Много горя выпало на долю верующих в советское время: были разрушены храмы, а крестный ход запрещен. Тайными тропами ночами пробирались люди к реке Великой и совершали молитвы.

Общий ритм хода таков: три дня пути с образом Свяителя Николая от Кирова, на север, к реке Великой. Сутки в Великорецке, где происходят основные события духовной жизни: Божественная литургия, испо-

ведь, причащение, водосвятие. Два дня – возвращение иконы в храм. *Ритм суток*: подъем в 2 часа ночи, служба, выход; через каждые 2 часа пути 30-40 минут молебен и отдых; в 21 час – молитва, в 22 часа – устройство на ночлег, сон. Воду, еду надо нести с собой. Погода в пути всегда непредсказуема. Есть вятская примета: *Пришел Никола – жди на неделю холод*. Вот на эту неделю, пока икона в пути.

Крестный ход был полностью возрожден лишь в 1990 году, а в 2004 году решением Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия *Великорецкий крестный ход* получил статус *всероссийского*. Но это все я узнала уже *после* пройденного пути, когда вместе с тысячами других людей шесть дней и ночей 3-8 июня 2004 года прошла этими намоленными за века тропами. *Сюда* стремилась моя душа.

Путь к Великой реке

Крестный ход – это непрерывная движущаяся церковь. А над ней – непознаваемо-высокое небо. «Небо, коснувшееся меня», – так назвал крестный ход Иван Шмелев в автобиографической повести «Лето Господне». Небо – слово многозначное...

Из поколения в поколение передавалось в православных семьях стремление к душевному подвигу, уверенность, что для очищения грехов надо *потрудиться*: пройти долгий путь, в глубоком уединении, сосредоточившись на молитве, с тысячами других уединений, собранных вместе. Крестный ход – модель жизни, где заранее (*a priori*) известны лишь два момента: *начало* и *конец*.

Сразу после выхода из города, перед бескрайним полем, каждый человек получает *благословение* на крестный ход («Жизнь прожить – не поле перейти!») – так же получит он благословение при окончании хода. Что будет между этими двумя сакральными событиями, неведомо никому. Старожилы говорят: всегда идешь *в неизвестность*.

Во время пути все сохраняют молитвенное молчание, в разных местах колонны слышится негромкое пение акафиста Святителю Николаю. Мне никогда раньше не приходилось видеть священнослужителей так близко, идущих наравне со своими прихожанами, переносящих те же невзгоды. Шли по той же грязи, но ризы почему-то оставались чистыми. Многие паломники валились с ног, едва дойдя до места отдыха, а священники еще должны были провести службу и лишь тогда позволить себе минуты отдыха.

Вспоминались и поддерживали в пути слова священника Артемия Владимирова (которые мне посчастливилось услышать в храме Всех Святых в Красном Селе). «*Молитва – нравственный стержень, столб, ске-*

лет, несущая конструкция, лекарство, защита, мост, искусство, художество, наука... Молитва есть обращенность ума и чувства к Богу. На молитву надо встать! «Вставай, страна огромная!» – с улыбкой продолжал батюшка. – Сразу появятся силы к действию: «Ни шагу назад!» – снова, улыбаясь, говорил он. – Человек на молитве – воин. Один в поле воин. Идеальный образ молящегося? Буренка, жующая травку. Жует медленно, мерно, хвостом оводов отгоняет. Рассеянность на молитве – вот беда. Это предмет исповеди: «Помилуй мя грешного!» Разве могла представить я тогда, несколько лет назад, что православный праздник День Всех Святых буду встречать на реке Великой...

За несколько дней пути происходит молчаливое знакомство со многими: обучение жизни идет в процессе самой жизни. Четвертый раз идет этой дорогой американский историк, профессор Лэрри Холмс. Позднее он вспоминает: «Один священник сказал мне, что если я хочу узнать Россию, то должен принять участие в Великорецком крестном ходе. “Это будет, – сказал он, – настоящий опыт...” Мне повезло в том, что я ночевал в домах. В первую ночь я спал у выхода. Мне кажется, что несколько сот людей наступили на меня, несмотря на все свое желание не делать этого. Усталые, испытывающие жажду и голод, изнуренные жарой и холодом, промокшие грязные люди со смирением продолжали свой путь... Однажды, будучи неописуемо усталым, почувствовал, что мои ноги подогнулись, и я упал в грязь. Но здесь, в глубине России, я не мог отступить...»

На одной из остановок я, преодолевая неловкость и стыд (втайне надеясь, что делаю лишнее), написала записку со своим домашним адресом и телефоном сына и положила в верхний карман рюкзака. Как же слаба еще моя вера! Почему не укреплялась она представителями всего нашего рода из поколения в поколение? Смогу ли я что-то сделать для нее? Справлюсь ли? Какое, собственно, я имею право совершать этот путь, не будучи человеком глубоко воцерковленным, по-настоящему подготовленным к такому важному событию?.. «Почему бы и нет?» Ведь кто-то же должен начать, пусть даже «ни ступить, ни молвить не умея»? А те, кто следуют по времени за мной, сами сделают *выбор*: продолжить этот путь или нет. Но пусть в этом направлении появится хоть несколько несмелых шагов.

На обратном пути я получила благословение предстоятеля крестного хода, нашего светлого, поддерживающего пастыря отца Тихона, на фотографирование паломников, особенно родителей с детьми. Дети разные: от младенцев, которых несут на руках, до отроков дискотечного возраста, идущих рука об руку с взрослыми. И это делает крестный ход таким светлым и радостным! Едва держась на ногах от усталости, я все же сфотографировала девочку, удивительно похожую на известную всем «Аленуш-

ку», – ведь это васнецовские места! Другого паломника, 86-летнего старца (для точного описания достаточно *двух слов*: Нестеров, «Пустынник»), я не осмелилась запечатлеть: так он был сосредоточен и свят. На протяжении всего пути я находилась глубоко *включенной в эту жизнь* (даже когда от бессилия «отключалась» от нее). Я постоянно задавала себе вопросы: Почему я здесь? Что меня больше всего волнует сейчас? Что для меня эти люди? Что я для них? Главным *открытием* были *люди* и наша *сопричастность друг другу*.

Несколько женщин особенно запомнились мне. Почти все они были *Иринами* (первая мне встретилась еще в поезде). Когда я рассказала об этом одной старушке-паломнице, она утвердительно кивнула и сказала: «Так бывает. Ангел-хранитель твой рядом». Удивительная встреча произошла у меня в Великорецке. К концу третьего дня пути я еле плелась в конце колонны, не успела на службу и не знала, где искать ночлег. Я подошла к девушке (конечно, ее звали *Ирина*) и попросила ее о помощи. Она помогла мне снять рюкзак и сказала, приветливо улыбаясь: «Если хотите, оставайтесь с нами». Я впервые решилась попросить о помощи, и так щедро была награждена! Вскоре подошли ее друзья (они из Смоленска и Санкт-Петербурга). Меня удивило и глубоко тронуло, как эти молодые люди – их было семеро – *сразу*, без расспросов приняли меня в свою группу. Мы пришли в старый заброшенный домик, который уже был готов к ночлегу. Предоставив мне самой выбрать место поудобнее, они сказали, что скоро будет горячий чай, и куда-то ушли. Неожиданно оставшись в полном одиночестве, я расплакалась оттого, что *кому-то до меня есть дело*; оттого, что и *мне до многих есть дело*; оттого, что я так поздно это понимаю; оттого, что я поняла это именно здесь!

К другой *Ирине* (уже на обратном пути) я подошла, чтобы попросить сфотографировать ее с детьми. Четверо очаровательных малышей сидели рядом с матерью, пока отец собирал палатку. И снова слезы выступили у меня на глазах: так трогательна была эта картина. Вспомнилось старинное русское слово *лад*. Тридцатилетняя женщина тихонько говорила о том, что они с мужем неспешно пришли к Богу, хотя их родители – неверующие: «Мы хотим, чтобы дети были рядом с нами. Сейчас во многих семьях родители и дети, хоть и живут под одной крышей, да ходят *параллельными дорожками* (так и сказала!), а *смерть* придет, вот и *смерит судьбу*, вот это и будет *Суд Божий*». Вот, значит, что такое смерть. *Так* я этого слова еще не слышала. А сколько таких открытий было во время Великорецкого крестного хода!

Я не хочу идеализировать картину, и даю себе отчет, что среди многих тысяч паломников (в последние годы от 5000 до 8000 человек, а до

революции, говорят, ходили 20 000) – далеко не все ангелы и праведники. Не в этом дело. Люди собрались (*и я – частица этого сообщества*), чтобы пройти путь очищения, чтобы на протяжении всего пути повторять слова молитвы Николаю Чудотворцу об избавлении «...от всяких бед, и скорбей, и напастей, и варварского нахождения, и междуусобных брани, от глада же и губительства, от тлетворных ветр...», под палящим солнцем и проливным дождем просить милости «... о всем христолюбивом воинстве и всея великая России, о всяком граде и стране и о всем православном христианстве...». И только после этой главной молитвы просить милости себе и близким. У меня и сейчас перехватывает дыхание, когда я пишу это. Родина моя жива. Люди живы.

Возвращение домой

Шестой день пути. Мы возвращаемся... Последняя остановка – уже виден вдаль за мостом город. Все переодеваются в светлые чистые одежды. Старушка рядом со мной молится о том, чтобы Господь помог ей с внуком пройти *самый трудный* участок пути. Как же это я позабыла! Из своего небольшого альпинистского опыта знаю: спуск (т.е. возвращение) опаснее подъема. Это позволило мне собраться – как же труден был и непривычен для ног этот путь по жесткому бесчувственному шоссе (по земле-то мы шли, как в храме во время Троицы).

Но вот уже слышится праздничный колокольный перезвон. Радостные горожане встречают Великорецкий крестный ход, встречают чудотворный образ Святителя Николая! Тысячи людей, пребывая в благодати, и плачут, и смеются!

«Но почему русские делают это?..» – размышляет американский ученый Лэрри Холмс, стараясь объяснить это чудо людям своей страны. «Что значит для меня этот путь?» – задаю себе вопрос я, чтобы, прервав на время молчание (святые отцы учат: не говорите без вопрошания), рассказать о нем тем, кому это интересно. Уже за пределами Крестного хода, оглядываясь на пройденный путь, я думаю, что его целью было подведение человека к той границе, где *возможно* восприятие Слова Божия и вхождение в жизнь *более подлинную*. Православная церковь говорит нам, что духовность подлинна, если человек *правильно понял себя*. Что это значит? Ответ найдем в святоотеческой литературе: это когда человек пытается *осмыслить себя в общении с другими людьми, с окружающим миром и с Богом*.

За этим веками шли люди «К Николе на Великую». За этим приходят люди на экзистенциальные терапевтические сессии.

Многое из того, что во время групповой работы является метафорой, во время крестного хода обретает буквальное значение, поясняя и углуб-

ляя смыслы. Это касается самого процесса работы с определением границ жизни: *конфиденциальности* (вот сейчас я стараюсь очень осторожно рассказывать, в основном – о себе), *ответственности* за свои трудности в пути (ни одна старушка не отдаст своего рюкзачка помощнику: «Мой грех»), *открытости* (говорить можно лишь о своем опыте), *свободе* (каждый сам выбирает стиль хода, скорость, место для отдыха, не нарушая, однако, общего ритма).

Как экзистенциальный терапевт задает тон встрече образом своего бытия, так и во время крестного хода *предстоятель* крестного хода является заботливым *проводником*, но не принимает на себя чужого *груза*; оберегает участников хода, но не *отгораживает* их от реальных *опасностей*. Он ведет за собой людей к сути, но не знает и не обязан знать, в чем именно каждый из них нуждается. Предстоятель крестного хода, являясь пастырем духовным, в буквальном смысле слова идет на несколько шагов впереди, является проводником, вожаком многотысячного «стада Христова». Каждый участник несет такой груз (от общесл. «грязь»), грех, который способен он вынести, и должен очиститься от него, «разгрузиться». Пастырь может показать, а верующий увидеть, красоту мира и красоту человека в этом мире. Я за эти шесть дней своими глазами видела тысячи непьющих-некурящих-молчащих мужей; подлинно красивых смиренных жен; родителей, несущих или ведущих своих детей; стариков, сосредоточенно продолжающих свой путь; юношей и девушек, целомудренно держащихся за руки... Кто-то из них видел меня, идущую крестным ходом в одиночестве – и одновременно в общем потоке жизни. В такой многодневной совместной терапевтической жизни оказываются задействованными все экзистенциалы: бытие-в-мире, бытие-вместе, пространственность, темпоральность, бытие-к-смерти, но особенно: *телесность*. И не удивительно, ведь человеку необходимо быть собранным, рассчитывать свои силы, следить за дыханием, быть в постоянной физической готовности к вечно меняющейся ситуации.

Однако, это не спортивное соревнование, здесь никто не может быть «первым» или «последним». Нет финишной ленточки и нет призов. Идут в одной шеренге шестилетний мальчик и восьмидесятилетний старик, инвалид с палочкой и мать с ребенком на руках... Все преодолевают трудности этого маленького отрезка жизненного пути. Люди совсем не против удовольствий и радостей в жизни, но сейчас удовольствие и радость заключается в преодолении себя, своей немощи, усталости, лени.

Вот что говорит по этому поводу Митрополит Антоний Сурожский: «Аскетическая традиция считает область телесности гораздо более надежным путем к пониманию того, что происходит в духовной области,

чем душевность. Духовный опыт достигает нашего тела и, подобно тому, как Божество Христа исполняет Его воплощения, так благодать Божия преобразует наше тело. Этим объясняется, почему в житиях святых описываются подвиги – ради стремления довести до нашего сознания, насколько человек был укоренен в Боге, насколько глубоко жил благодатью Божией» (Московский психотерапевтический журнал. 1997. № 4). Прийти к себе через свою телесность, через открытие себя миру – в этом глубокий терапевтический смысл древней традиции (по понятным причинам автобусная экскурсионная прогулка «по Святым местам» такого действия не имеет). Во время пути тело постоянно напоминает о *жизни*, потому что ему тяжело, оно болит, ноет, стонет, радуется отдыху, испытывает жажду и холод, не обижается, что забывают о нем во время молитвы, ожидает тепла и заботы...

Я сижу на земле, прислонившись к дереву в подворье Свято-Серафимовской церкви, все отчетливее осознавая то, что мне непостижимо жаль расставаться с этой *подлинной жизнью*. Более подлинной, чем та, которая была до этих шести дней. Я не ожидаю от себя больших перемен, но я *чувствую* в себе какое-то новое (или давно забытое?) состояние *большей со-причастности к миру*.

Как сохранить это чувство? Как не расплескать его?.. Почему-то возник образ из детства. Тогда мне приходилось носить воду на коромыслах. Мой дедушка, чтобы вода не выплескивалась из ведра, клал сверху тоненькую крестовину, сделанную из дерева. Ведро от этого *креста* становилось чуть тяжелее, но зато не разливалось ни единой капли драгоценной родниковой воды. И сама вода как бы подтягивалась к этому кресту, глядящему в небо.

Для меня *Великорецкий крестный ход*, являясь символом православной веры, сохраняет, сберегает целостность жизни, ее *живительную влагу*, смысл.

ЛИТЕРАТУРА

В доме Отца моего. Сборник статей. – М.: Изд-во Храма Трех Святителей на Кулишках, 2001.

Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. Прикладная логотерапия. – М.: Генезис, 2003.

Невидимая брань / Пер. с гр. Феофана Затворника. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003.

Уроки благочестия: Из сочинений святителя Димитрия Ростовского. – М.: Благовест, 1997.

Шмелёв И.С. Лето Господне. – Новосибирск: Православная литература, 1998.